

Анкоси Караме. Описание курдских материалов Национального центра рукописей Грузии = Description of Kurdish Materials in Georgian National Centre of Manuscripts. — Тбилиси = Tbilisi, 2009. — 69 с.

К. Анкоси — ученый-востоковед, на протяжении многих лет занимающийся изучением курдской культуры. В 2009 г. он опубликовал относящиеся к началу 30-х годов XX в. неизвестные курдские рукописные материалы на курдском, русском, армянском языках из хранилища Национального центра рукописей Грузии (фонд ROS).

Все рукописи на северном диалекте курдского языка (курманджи) записаны курдским алфавитом, который был создан в 1929 г. в Ереване А. Шамиловым и И. Марагуловым. Это специфический весьма сложный алфавит (смесь латинской графики и кириллицы), и курды пользовались им лишь в 30-х годах XX столетия. Следует отметить, что в те годы еще не были установлены единые правила курдской орфографии, что создавало определенные трудности при чтении курдских текстов. Поэтому, как отмечает К. Анкоси, без специальной подготовки и хорошего знания курдского языка и фольклора правильное прочтение имеющихся в фондах Национального центра рукописей Грузии курдских рукописных материалов составляет большие трудности.

Описание строится по порядковому номеру инвентарной описи курдских материалов в фондах Центра рукописей Грузии. Во избежание путаницы К. Анкоси отказался представить рукописи по тематическому принципу. В описании использована также картотека курдских материалов Центра.

Фольклор — самая обширная часть собрания рукописей. Это материалы экспедиции под руководством проф. А. Хачатряна при участии Дж. Генджо и А. Джинди в октябре-ноябре 1931 г. Тексты записаны А. Джинди. Сборник содержит большое количество героических, эпических, свадебных хороводных, любовных песен и сказок. Всего 116 названий (161 л. рукописи). На курдском и армянском языках даны имена сказителей, со слов которых записан данный материал. Далее последовала научная экспедиция в 1933-1934 гг. по сбору фольклорных материалов курдов Талинского района Армянской ССР под руководством И. Марагулова. Записи сделаны в основном А. Джинди и Ш. Кужикяном — беженцем из Турции. Представлены разнообразные образцы устного народного творчества курдов: героические поэмы «Кар и Кулык», «Дымдым», о герое иранского эпоса Ростаме Зале, о борьбе армянского народа и его герое Андранике, эпическая песня о любви «Осман-ага и Кумри-хатун», «Давреше Авди», любовные поэмы «Мам и Зин», «Лейли и Меджнун», «Маме и Айше», «Замбильфрощ», «Фархо и Сити», предание «Тели Айшан», многочисленные лирические, свадебные, хороводные песни, пословицы, поговорки, сказки, небольшие повествования («Тамир-ага и Хазали»). Всего 1091 лист рукописей.

Очень ценно, что во многих случаях приводятся биографические сведения о сказителе, месте и времени записи текста. Для передачи названий сочинений, имен сказителей, авторов и переводчиков К. Анкоси использовал современный курдский латинизированный алфавит с добавлением некоторых диакритических знаков.

Все представленные рукописные образцы записаны в Армении и Грузии главным образом от выходцев (беженцев) из Турции и Ирана — курдов и армян и сопровождаются

комментариями на русском и армянском языках.

С этих первых экспедиций началась научная деятельность известного курдского ученого — собирателя курдского фольклора Аджие Джинди. Начиная с 1936 г. он публикует целый ряд книг с записанными им текстами. Надо заметить, что некоторые названия песен, представленные в «Описании» К. Анкоси, совпадают с названиями песен, изданных А. Джинди (например, “Eliyê şemo”, “Naze”, “Seyrana melle Mfisa”¹ и др.), то же касается и вариантов поэм. Изучить найденный К. Анкоси фольклорный материал и сопоставить его с изданным — задача будущих исследователей.

Особого внимания заслуживают материалы классической курдской поэзии, переведенные по поручению Института истории культуры Армении для удобного пользования с арабской графики на новый латинизированный курдский алфавит К. Бадырханом и Ахмедом Мирази. Это — поэма выдающегося курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани «Мам и Зин». Рукопись датируется 1935 г. (236 л.). Ахмедом Мирази написано предисловие к поэме. В конце книги приводятся два стихотворения известного поэта XIV в. Факи Тейрана и «Молитва о Судном дне езидов» (478 строк, 160 куплетов).

В рукописных материалах представлен также диван известного курдского средневекового поэта Ахмеда Джезири (3115 строк). С арабского на латинизированный курдский алфавит его перевели Халиде Джелалзаде — курд из Турецкого Курдистана, нашедший убежище в Армении, и Вазире Надир — молодой, подававший надежды ученый, рано ушедший из жизни. К работе приложен арабско-персидско-турецко-курдский словарь.

В языковом разделе наибольший интерес представляет работа О.Л. Вильчевского, К.К. Курдоева, А.Ш. Шамилова «Краткая грамматика курдского языка. Фонетика и морфология», написанная на русском языке в Институте языка и мышления им. акад. Н.Я. Марра Академии наук СССР в 1936 г. (328 л. рукописи). В собрании рукописных материалов представлен машинописный текст (129 л.) и, что самое важное, два экземпляра типографской корректуры «Краткой грамма-

тики» (по 85 с. каждый). Готовый к выходу из печати экземпляр состоял из 30 глав, предисловия, списков таблиц, библиографии и оглавления. Авторы посвятили свою книгу «памяти крупнейшего советского ученого и общественника-большевика академика Николая Яковлевича Марра, первым обратившего внимание науки на „замолченную историей народность“».

В предисловии к «Краткой грамматике» авторы подробно пишут о целях и значении представленного научного труда. Коллектив авторов отмечает большую работу, которую проделал К.К. Курдоев «как в части подбора материалов, так и в части предварительной систематизации его». По неизвестным причинам «Краткая грамматика» так и не вышла в свет, хотя была полностью подготовлена тиражом в 500 экземпляров.

Интерес представляет историко-этнографический очерк «Карабахский Курдистан» (73 л. рукописи). Как полагает К. Анкоси на основании пометки перед заглавием, автором рукописи является известный просветитель, автор первого курдского букваря на основе армянского шрифта, директор курдской школы в Тбилиси и учитель курдского языка Лазо Казарян. Рукопись составлена в 20-30-х годах XX в. Работа содержит вводную часть, включающую сведения об историческом происхождении курдов, о жителях Карабаха — курдах и армянах, о делении курдов на племена, религиозном делении курдов, о политических деятелях, сведения о курдской литературе, поэтах, историках средневековья, курдской прессе. Глава «Карабахский Курдистан» состоит из предисловия и разделов: географическое положение, климат, флора, фауна, административное устройство, названия деревень, где сохранился курдский язык, курдская деревня, одежда, семья, домашний очаг и племя, быт курдов и др.

Нужно отметить краткий предварительный отчет археологической экспедиции Е.Г. Пчелиной (Москва) о поездке в Курдистан и Зангезур для составления первой археологической карты этого района. Рукопись датируется августом 1924 г. (3 л.). В конце рукописи автор дает перечень названий пещер и замечает: «Недостаток времени и средств не дали возможности вести необходимые разведочные раскопки и свели работу лишь к регистрации памятников древней культуры». Надо полагать, что впоследствии Е.Г. Пчелина ис-

¹ Folklorā kurdmanfa. Jerevan, 1936. С. 344-345, 384; Фоклора корманфаше. Ереван, 1957. С. 196-197.

пользовала эту статью в своей работе «По Курдистанскому уезду Азербайджана»², где приводятся исторические данные о появлении курдов в Азербайджане, описываются естественные и искусственные пещеры.

К началу 1930-х годов относится работа Казимира Василевского «Современный Курдистан (Курдская проблема)» (260 л. рукописи). Исследование посвящено экономическому и социально-общественному положению в Курдистане, национально-освободительной борьбе курдов. Сочинение состоит из семи глав и приложения (схемы расселения курдских племен и очагов восстаний). Было бы любопытно сопоставить эту рукопись с изданной статьей К. Василевского «К аграрным отношениям в Курдистане»³, где рассматриваются те же проблемы и приводится схема расселения важнейших курдских племен. Возможно, в этой статье автором использован рукописный материал.

Хочется отметить работу Али Кемаля Эрзинджани «Курдские племена, обычаи и нравы» (Анкара, 1932). Перевод с турецкого, выполненный Гаибовым, — часть обширного труда о курдах Эрзинджанского (Дерсимского) вилайета Турции.

Несомненный интерес вызывает открытое письмо Мустафе Кемалю от известного курдского общественного, политического и культурного деятеля, активного участника курдского национально-освободительного движения первой половины XX в. Мехдата Джаладата Али Бадырхана. Это отрывок из книги (ок. 100 с.) против политики Мустафы Кемала и его предшественников в отношении курдов в пользу курдской автономии.

И, наконец, остановимся на прошении беженцев-ассирийцев, проживавших в Тифлисе, наместнику на Кавказе. Просители сообщают о позиции восточных христиан (ассирийцев) в Урмии (Персия) во время русско-германской войны, о плачевном положении ассирийцев и просят о спасении немногих христиан, оставшихся в Урмии, о политике России в отношении ассирийцев и т.д. Приводится список 439 семей беженцев-ассирийцев, а также конспективные записки об

² Пчелина Е. По Курдистанскому уезду Азербайджана (Путевые заметки) // Советская этнография. 1932. № 4. С. 108-121.

³ Василевский К. К аграрным отношениям в Курдистане // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 1-2. С. 115-131.

ассирийцах, где рассматриваются вопросы этнографии, культуры, религии, управления. Рукописи датируются 1915 г.

В «Описании» представлены также рукописи на армянском языке, посвященные курдскому вопросу.

Таково вкратце содержание основных рукописных материалов в работе К. Анкоси. В Приложении он дает описание курдских рукописей О. Сисяна, хранящихся в его личном архиве. Представлен фольклорный материал разных жанров: пьесы, написанные О. Сисяном, описание Дерсимского края, воспоминания о курдах-езидах и местах их проживания, о курдских племенах и многом другом. Большая заслуга К. Анкоси в том, что он опубликовал эти материалы. Ведь в личных архивах курдов хранится большое количество рукописей, но они остаются недоступными ученым.

В конце книги К. Анкоси (с. 53-69) публикуется перевод описания курдских материалов на английский язык. Работа вышла под редакцией д.ф.н., в.н.с. Института восточных рукописей РАН З.А. Юсуповой и посвящена отмечавшемуся в 2009 г. столетию со дня рождения выдающегося ученого К.К. Курдоева.

К. Анкоси сожалеет, что ему не удалось выяснить, каким путем и от кого поступили материалы в архив Национального центра рукописей. Но это и не столь важно, главное — он выполнил свою задачу: ввел в научный оборот до недавнего времени оставшиеся неизвестными курдские рукописи, содержащие новые историко-этнографические сведения о курдах, их языке, культуре. Эти документы могут стать ценным источником для изучения духовного наследия курдского народа и его истории. Материалы вызовут несомненный интерес у специалистов и послужат основой для дальнейших исследований.

Ж.С. Мусаэлян

Дандамаев М.А. Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. — 512 с.

В Издательстве СПбГУ в Санкт-Петербурге вышла книга выдающегося отечественного ассириолога, члена-корреспондента АН РФ М.А. Дандамаева «Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и

идеология». М.А. Дандамаев является автором более 400 научных публикаций, в том числе ряда монографий, которые не только принесли заслуженное признание своему автору и обеспечили ему ведущие позиции в мировой науке о Древнем Востоке, но и способствовали сохранению и поддержанию авторитета отечественной исторической науки в мировом научном сообществе. Любая публикация ученого такого масштаба, основанная на изучении огромного документального материала древневосточных текстов, вызывает большой научный интерес у специалистов, и тем не менее данное издание представляет собой, на мой взгляд, особую ценность для отечественной науки.

В издании собраны статьи автора, которые в большинстве своем были написаны во второй половине XX в. и опубликованы в самых разных изданиях, частично отечественных, но главным образом зарубежных. Значительная часть этих статей, особенно те, что вышли на западных языках, осталась совершенно недоступной нашему читателю. При подготовке сборника автор проделал очень большую работу. Статьи были не только переведены на русский язык, но и в их текст были внесены многочисленные изменения с учетом современного состояния науки, добавлены ссылки на новые исследования и новые издания клинописных текстов. Хотя в названии сборника содержатся определенные географические (Месопотамия и Иран) и хронологические (VII-IV вв. до н.э.) рамки, его содержание далеко выходит за эти пределы, охватывая во многих случаях всю территорию Древнего Востока и практически весь период древности с III тыс. до н.э. по начало нашей эры. Таким образом, данное издание в полной мере дает представление о современном состоянии научных знаний, касающихся истории социально-экономических, этнических и духовных аспектов развития общества на Древнем Востоке.

Особую ценность придает изданию тематическая подборка статей. Сборник состоит из шести разделов, каждый из которых содержит от 12 до 20 статей по следующим темам:

I. Государственная администрация.

II. Дворцовое хозяйство и храмовая экономика.

III. Свобода и рабство.

IV. Частное предпринимательство.

V. Этнические контакты.

VI. Религия и характерные особенности древней идеологии.

Сами названия разделов показывают, что статьи, представленные автором в данном сборнике, затрагивают практически все основные аспекты развития древнего общества. Каждый раздел содержит как статьи общего характера, затрагивающие фундаментальные вопросы истории, так и небольшие исследования или эссе, посвященные отдельным аспектам той или иной проблемы. Оба эти направления исследования, т.е. теоретическое осмысление экономических, социальных и духовных процессов, происходивших на протяжении всего существования древневосточных цивилизаций, и изучение отдельных конкретных аспектов той или иной проблемы на материале Месопотамии и Ирана I тыс. до н.э., тесно взаимосвязаны и естественно дополняют друг друга. Фундаментом всех исследований автора, будь то небольшое эссе, посвященное определению значения отдельного термина, или масштабные теоретические статьи по самым сложным и спорным проблемам развития древней экономики и социума, является работа с древними текстами. Прекрасное знание греческого языка и целого ряда древневосточных языков позволяет автору свободно ориентироваться в сложнейшей картине многообразной и многоэтничной жизни общества Ближнего Востока I тыс. до н.э.

Для историка древности это период, завершающий длительный многотысячелетний путь развития первых цивилизаций. Представленная в статьях сборника позиция автора по важнейшим вопросам истории Месопотамии (см. выше названия разделов) позволяет читателю представить общую картину состояния общества в этот период, какой она видится автору сборника, и в значительной степени откорректировать понимание предшествующих, часто гораздо менее документированных этапов этого пути.

С точки зрения экономики определяющим фактором для этой эпохи, по мнению автора, было интенсивное экономическое развитие и быстрый рост товарно-денежных отношений, ярким показателем чего является широкое применение свободного наемного труда, который занял важное место в общей структуре экономики, а также важная роль, которую стал играть в экономике Месопотамии ры-

нок, в том числе продажа земли, превратившаяся в этот период в повседневное явление (с. 10-47; 190-191; 230-237). Ведущую роль в экономике стал играть частный сектор. Именно на частновладельческих хозяйствах лежала вся тяжесть содержания армии и государственного аппарата за счет уплаты налогов. Важное место в структуре экономики занимало храмовое хозяйство, которое и в этот период располагало огромными материальными ресурсами. Что касается государственного сектора экономики, то он значительно уменьшился в своих размерах, превратившись, по существу, в личное хозяйство царской семьи (с. 31). Основным источником ремесленного и сельскохозяйственного производства были мелкие хозяйства; даже крупные землевладельцы (царь, храмы, богатые предприниматели) предпочитали сдавать землю арендаторам (с. 27).

Такая ситуация явилась, по-видимому, результатом долгого пути исторического развития месопотамской цивилизации. По мнению автора, в I тыс. до н.э. в Месопотамии продолжали существовать те же «три экономических сектора, которые возникли еще на заре истории, т.е. царское, храмовые и частновладельческие хозяйства». Однако к этому времени радикально изменилось качественное соотношение отдельных укладов в экономике. В ранние периоды истории Месопотамии (III — начало II тыс. до н.э.) ведущая роль в экономике принадлежала государственно-храмовым хозяйствам, в рамках которых работала и жила значительная часть населения. В условиях неразвитости рыночных отношений только такие крупные централизованные хозяйства имели, по мнению автора, возможность накапливать достаточные ресурсы для создания социального фонда и для приобретения необходимых материалов из-за рубежа.

Со временем крупные централизованные хозяйства стали терять свою эффективность. В конечном итоге экономика, основанная на большом бюрократическом аппарате и полусвободном труде, была заменена частновладельческими и храмовыми хозяйствами, применявшими, в основном, свободный труд, дополненный рабским. Таким образом, если в ранний период истории Месопотамии ведущую роль в экономике играло государственно-храмовое хозяйство, то в поздний период ведущим сектором экономики стал частный (с. 29).

Характер социальных институтов в Вавилонии этого периода, несомненно, соответствовал характеру экономического устройства (с. 166 сл.). «В I тыс. до н.э. общество состояло из полноправных граждан городов, свободных, не имеющих гражданских прав, и различных слоев зависимого населения, отдельной прослойкой которого были рабы» (с. 214). Полноправные граждане городов (*mār banē*) (знать, земледельцы, ремесленники) жили в городах, владели землей в пределах сельской округи соответствующего города и являлись членами народного собрания храмово-городской округи, власть которого распространялась на эту территорию. Их статус был наследственным (с. 175, 205), и они имели целый ряд социальных и имущественных привилегий. В частности, они могли стать пребандариями и получать постоянный доход от храмового имущества (с. 369).

Сравнивая эквиваленты термину *mār banē*, известные из других древневосточных языков (древнеперсидские, эламские, арамейские), автор показывает, что термин, который традиционно переводят как «свободный человек, гражданин, благородный», правильнее переводить именно как «гражданин» (с. 172). Этот сильный и многочисленный класс граждан существовал вплоть до I в. н.э., о чем, по мнению автора, говорит документально подтвержденный факт существования еще и в это время храмов и народных собраний при них (с. 46).

Другую часть свободного населения составляли лица, не имевшие гражданских прав, прежде всего, сельское население, сидевшее на государственной земле: военные колонисты, государственные чиновники и работники. Среди них было много чужеземцев: военнопленные, увезенные в эту страну, царские воины, а также люди, по разным причинам добровольно прибывшие туда и жившие там постоянно или временно. Эти люди изначально не владели собственностью внутри общинного земельного фонда, и поэтому им был закрыт доступ в вавилонскую храмовую организацию. Соответственно, они не могли принимать участия в городском (или храмовом) самоуправлении и поэтому не могли стать членами народных собраний (по крайней мере, в первом поколении). Они, по-видимому, не подвергались никакой дискри-

минации в плане экономики и религии и даже могли, вероятно, установить на местах собственное самоуправление, т.е. создать народное собрание, чтобы улаживать вопросы гражданского права в пределах своей общины (с. 369).

Еще одной (самой малоизученной) частью вавилонского общества были различные группы зависимого населения, занимавшего промежуточное между свободными и рабами положение (с. 224 сл.). В I тыс. до н.э. роль таких групп в производстве и социальной структуре общества, по-видимому, значительно уменьшилась по сравнению с III и II тыс. Однако, как отмечает автор, эта проблема, одна из первостепенных и вместе с тем самых трудных проблем социальной истории Древнего Востока, еще ждет своего исследователя (с. 220).

Особенно много внимания уделено в сборнике исследованию проблемы рабства (с. 166-230). Очень важной является мысль автора о том, что «на Древнем Востоке не наблюдается развитие института рабства в сторону неизбежного, неуклонного повышения удельного веса рабского труда в основных отраслях хозяйства» (с. 223). Отмечая, что «по сравнению со всеми предыдущими периодами истории Месопотамии применение труда рабов достигло апогея в I тыс. до н.э.» (с. 221), автор, однако, неоднократно подчеркивает, что основой сельскохозяйственного и ремесленного производства в Вавилонии I тыс. до н.э. был труд свободных (с. 208, 220). Рабский труд «не мог конкурировать с трудом свободных производителей» и использовался в основном для выполнения домашних работ. Тем не менее само существование института рабства накладывало неизгладимый отпечаток на все аспекты жизни древнего общества, и если говорить в терминах общественно-экономических формаций, то к обществам Древнего Востока, по мнению автора, больше всего подходит определение «рабовладельческая формация» (с. 229).

Такое социальное устройство общества, как показывает автор, уходит своими корнями в глубокую древность. Структура экономики Месопотамии в III-II тыс. до н.э. — параллельное существование государственного и частного секторов — определяла и социальное деление общества «на "царских

людей" (мушкенумов) и свободных общинников-граждан (авилумов). Последние были членами народного собрания, являвшегося основным органом местного самоуправления. Кроме того, в государственных, храмовых и частных хозяйствах работали рабы и другие зависимые социальные слои населения» (с. 213 и сл.).

Самым важным и стабильным социальным институтом Месопотамии начиная с IV тыс. до н.э. и на всем протяжении ее древней истории был город и городская гражданская община. Центрами гражданских городских общин с момента возникновения городов в Месопотамии и до конца древности, по мнению автора, были храмы (с. 35).

В I тыс. до н.э. сохранялись древние священные привилегии вавилонских городов: местное самоуправление, освобождение от налогов, принудительных работ и воинской повинности, а также гарантия против незаконного (т.е. без суда) заключения в тюрьму, а попытки царей посягнуть на эти права часто заканчивались трагически для самих правителей (с. 167 и сл.). Городское народное собрание в Месопотамии оказалось исключительно жизнестойким институтом, который сумел сохраниться в течение нескольких тысяч лет, пережив правление шумерских, вавилонских, ассирийских, персидских и македонских царей, окончательно исчезнув, вероятно, только в начале нашей эры. Автор соглашается с высказанной еще И.М. Дьяконовым мыслью о том, что именно потеря гражданских прав жителями вавилонских городов, исчезновение самоуправления свободных является линией раздела между древностью и средними веками (с. 229).

Историкам хорошо известно, что в I тыс. до н.э. экономические и культурные связи между Месопотамией и другими странами Ближнего Востока достигли невиданных прежде объемов. Однако помещенные в раздел V («Этнические контакты») статьи автора значительно расширяют наше представление об этой проблеме, рисуя многообразную картину реальных этнических контактов, отраженных в документах и памятниках (с. 309-371).

Важную роль в активизации этих процессов, несомненно, играл тот факт, что I тыс. было временем возникновения великих ми-

ровых империй, т.е., как определяет это автор, государств, власть которых распространялась на многие страны, населенные этнически разнородными народами (с. 398). При Ахеменидах, когда мир на огромных пространствах от Африки до Западной Индии стал единым, в Месопотамии, Египте и других странах появились воинские гарнизоны, в которых служили представители десятков различных народов, до этого часто и не знавших о существовании друг друга (с. 401).

Смешению народов способствовала, с одной стороны, политика насильственного переселения завоеванных народов, с другой стороны, создание огромных по территории империй давало возможности не только деловым людям и торговцам, но и любым желающим в поисках лучшей доли свободно перемещаться из одного конца Ближнего Востока в другой. Вавилонские документы, переводы которых содержатся в статьях сборника, содержат богатую информацию о чужеземцах, живших в Месопотамии. Они заключали различные сделки между собой, а также с местным населением, выступали свидетелями при составлении документов. Поражает этническая пестрота населения. В архиве предпринимательского дома Мурашу среди упоминаемых имен собственных $\frac{2}{3}$ имен вавилонские, остальные — невавилонские, иногда сопровождаемые этнонимами. Среди этих чужеземцев иранцы, евреи, египтяне, персы, фригийцы, лидийцы, киммерийцы, индийцы и представители других этнических групп (с. 315). Основным языком общения был, вероятно, арамейский.

Автор подчеркивает, что местное население относилось к чужеземцам спокойно. «Древний Восток не знал конфликтов на этнической почве, расовой неприязни и чувства превосходства одного народа над другим... со стороны местного населения не было пренебрежения к этническому происхождению чужеземцев, которые по различным причинам поселились в другой стране» (с. 381).

В последнем разделе сборника, посвященном вопросам религии и идеологии, автор особо останавливается на проблеме культурного единства ближневосточного мира I тыс. до н.э. (с. 372-442). По мнению автора, общества Древнего Востока в I тыс. до н.э. гораздо меньше подвергались давлению офи-

циальной идеологии и религиозных догматов, чем это было характерно для всего последующего времени. В пространстве политеистических религий не существовало понятия о ложной вере или ереси. Никто не был заинтересован в навязывании своей веры другим. Любой культ считался правомерным, и появление новых богов приветствовалось. Для частных лиц не обязательно было молиться государственным богам. Люди поклонялись тем богам, которым считали нужным. Оказавшись в чужой стране, люди почитали местных богов, сохраняя верность своим традиционным богам. Завоеватели не уничтожали статуи богов на захваченных территориях, а увозили их, чтобы лишить врагов поддержки их богов (с. 373 сл.). В этом же разделе освещается множество других интереснейших проблем, связанных с вопросами религии и идеологии: были ли персы ахеменидского времени, их цари, а также маги зороастрийцами, в чем состояла суть имперской идеологии Ахеменидов и др.

Все статьи сборника, независимо от их тематики, содержат массу интереснейших сведений о политической истории региона в I тыс. до н.э. и о разнообразных реалиях повседневной жизни и занятиях населения: торговая и ремесленная деятельность, заработная плата и цены на продукты, пищевой рацион, вино и виноградарство, рыболовство, медицинская практика и многое другое. Все эти интереснейшие сведения подкреплены переводами соответствующих текстов. К сожалению, индекс переведенных текстов в издании отсутствует.

Таким образом, сборник «Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология» является своего рода энциклопедией, содержащей многообразные сведения по самым разным аспектам социально-экономической и политической истории древнего Ближнего Востока I тыс. до н.э. и основанной на тщательном изучении документальных свидетельств. Книга М.А. Дандамаева представляет большой интерес не только для специалистов ассириологов, но и для всех историков древности. Это издание очень важно и для студентов, начинающих изучение Древнего Востока, и не только как источник разнообразных сведений, но и как пособие по методике научного исследования.

Н.В. Козырева

The Treasury of Tabriz. The Great II-Khanid Compendium / Ed. A.A. Seyed-Gohrab & S.McGlinn. — Amsterdam (The Netherlands) — West Lafayette (Indiana, USA): Rozenberg Publishers & Purdue University Press, 2007. — 279 p.

Традиция составления разнообразных сборников нашла благодатную почву и в персидской культуре рукописной книжности. Особое место здесь занимают поэтические сборники, среди которых можно по праву считать жемчужиной «Гульшан», хранящийся в собрании ИБР РАН под шифром Е 12. Среди же сборников, включающих в себя разнотематический материал, пальма первенства принадлежит объемной рукописи (367 л., 32*19 см / 20*18,5 см, ок. 40 строк) с атрибутивным названием «Сафине-йе Табриз», являющейся к тому же старейшим из известных персидских рукописных сборников (пер. пол. XIV в.). Этот сборник вошел в научный оборот совсем недавно: в 1995 г. он был приобретен Библиотекой межджлиса (Тегеран), где ныне и хранится (№ 14590). В 2003 г. в Иране вышло факсимильное издание текста этого ценного литературно-исторического памятника, подготовленное ‘Абд ал-Хусайном Ха’ери.

«Сафине-йе Табриз» включает в себя 209 сочинений на персидском и арабском языках по математике, астрономии, музыке, истории, философии, *тасаввуфу*, поэтике и пр. Есть в этом сборнике и стихи. Основная часть сочинений «Сафине-йе Табриз» была переписана в период между 721-723/1321-1323 гг., однако окончательное оформление сборника следует отнести ко времени после 736/1335 г. (самой поздней даты, упоминающейся в рукописи). Переписчиком и владельцем этой энциклопедии является Абу-л-Маджд Мухаммад б. Садр ад-Дин Аби-л-Фатх Мас’уд б. Музаффар б. Абу-л-Ма’али Мухаммад б. ‘Абд ал-Маджд Табризи Маликани Курайши, бывший, судя по всему, одним из образованнейших людей эпохи правления Ильханидов.

Введение «Сафине-йе Табриз» в научный оборот обогатило персидскую историографию на 35 сочинений, 13 из которых принадлежат перу прежде неизвестного ученого Амин ад-Дина Абу-л-Касима ал-Хадджа Булаха, а одно — перу его сына, Шараф ад-Дина ‘Усмана.

В связи с этим огромный интерес вызывает сборник «The Treasury of Tabriz», целиком

посвященный исследованию этого памятника и явившийся результатом конференции, проведенной Отделением персидского языка и культуры Лейденского университета в июне 2004 г. Сборник состоит из 15 статей, сгруппированных по тематическим разделам (Персидские сборники, История, Литература, Наука, Философия и мистицизм).

Раздел, посвященный персидским сборникам, открывается статьей редактора этого издания А. Сейеда-Гохраба (р. 15-42), в которой автор дает общую характеристику «Сафине-йе Табриз», а также приводит биографические данные о переписчике и владельце. В конце статьи мы находим список всех сочинений, входящих в сборник.

Далее следует статья одного из ведущих специалистов в области персидской кодикологии — Ираджа Афшара (р. 43-58). В этой статье, как и следовало ожидать, содержится целый ряд тонких наблюдений, сделанных на основании ознакомления автора с факсимильным изданием «Сафине-йе Табриз». Во-первых, Афшар отмечает полное отсутствие в сборнике не только сочинений Рашид ад-Дина Фазлаллаха, но даже малейшего упоминания о нем. Это обстоятельство объясняется тем, что Абу-л-Маджд приступил к работе всего лишь через два года после казни Рашид ад-Дина в 718/1318 г. Во-вторых, Афшар установил, что порядок листов был нарушен, а общее количество листов в рукописи должно было равняться 486. В третьих, Афшар отмечает уникальное для сборных рукописей количество колофонов: так, переписчик упоминает свое имя в конце сочинений 52 раза. Тем не менее, по словам Афшара, окончательные выводы относительно «Сафине-йе Табриз» не могут быть сделаны на основании факсимиле, поскольку при съемке был утерян целый ряд существенных деталей (например, не поместившиеся в кадр поля).

Первый раздел завершается статьей Ф.А. Абдуллаевой «Что такое Сафина?» (р. 59-77). Здесь автор пытается установить различия в употреблении терминов, прилагаемых к сборникам (*байаз*, *джунг*, *маджму’е*, *сафине*). Однако, несмотря на остроумные наблюдения, замечания и рассуждения, вопрос так и остался без ответа. Точнее, единственный ответ, который существовал прежде и к которому пришлось вернуться, — «сафине — это сборник» (как, впрочем, и *байаз*, *джунг* или *маджму’е*). Автору настоящих строк

представляется, что на данный момент решить эту проблему более или менее однозначно невозможно, поскольку пока не выявлено какой-либо устойчивой традиции использования того или иного термина в отношении определенного вида сборника. Однако это не означает, что такой традиции не существовало. В этом смысле статья Ф.А. Абдуллаевой представляется весьма полезной, поскольку обобщает некоторый материал, стимулируя дальнейший сбор информации по данной теме. Во второй части статьи Ф.А. Абдуллаева анализирует приведенный в «Сафине» отрывок из «Шах-наме» (596 бейтов).

Раздел, посвященный истории, открывается статьей Сайеда 'Али Ал-е Дауда (р. 79-89), в которой автор дает общую характеристику 12 «исторических» фрагментов, помещенных в «Сафине». Ал-е Дауд замечает, что составитель сборника не слишком интересовался историческими вопросами, поэтому включил в него лишь те сведения, которые были ему необходимы для работы (например, исторические таблицы с указанием наиболее значительных деятелей и событий). Единственным полным историческим сочинением в «Сафине-ие Табриз» является «Низам ат-таварих» Кази Байзави (избранное составителем сборника за его исключительную лаконичность). По замечанию Ал-е Дауда, несмотря на то что составитель «Сафине» пытался соблюсти некую последовательность в расположении материала, все же «исторические» фрагменты разбросаны по всему сборнику. Наибольшее внимание Ал-е Дауд уделяет письму *вазира* ходжи Гийас ад-Дина Мухаммада б. Рашид ад-Дина Фазлаллаха своему брату, ходже Маджд ад-Дину. В этом письме содержатся уникальные подробности воцарения Арпа-хана после загадочной смерти Султана Абу Са'ида в 736/1335 г.

Вторая статья данного раздела написана Ч. Мелвилем и посвящена анализу «Низам ат-таварих» Кази Байзави (р. 91-102). Завершается «исторический» раздел статьей Надера Мотгалеби Кашани, в которой автор довольно подробно разбирает одно из восьми помещенных в «Сафине» писем ходжи Шамс ад-Дина Мухаммада Джувайни (уб. ша'бан 683/октябрь 1284 г.). Письмо представляет собой «Фирак-наме» и дает ценный материал к биографии этого видного государственного

274 деятеля эпохи правления Ильханидов (р. 103-111).

Раздел, посвященный литературе, начинается со статьи А. Сейеда-Гохраба и представляет собой общий обзор поэтических сочинений, вошедших в «Сафине». Среди наиболее интересных сочинений можно отметить *диван* Захира Фарйаби, весьма популярного поэта второй половины XII в. Замечу, что творчество Фарйаби оказало заметное влияние на развитие персидской литературы, однако до сих пор не стало предметом глубокого изучения. Кроме того, заслуживают внимания *диваны* Малика Махмуд-Музаффара Табризи и Маджд ад-Дина Табризи. К сожалению, ожидания, что эти небольшие по объему и доселе неизвестные исследователям сборники стихов станут основным предметом данной статьи, не оправдались. Вместо этого, Сейед-Гохраб уделяет больше внимания «Шах-наме», «Хадикат ал-хакика» Сана'и и «Хамсе» Низами. Кроме того, автор статьи цитирует несколько *руба'и* разных авторов, а также кратко характеризует включенные в сборник образцы «макамной» литературы. Помимо всего прочего, Сейед-Гохраб упоминает о трудах по теории литературы и грамматике, нашедших свое отражение в сборнике (р. 113-136).

Далее следует статья Н. Пурджавади, посвященная весьма распространенному в персидской литературе жанру *муназере* (тенциона). Пурджавади называет «Сафине-ие Табриз» самым внушительным собранием сочинений этого жанра в XII-XIV вв.: список содержит 11 *муназере* в стихах и прозе, три из которых принадлежат перу Абу-л-Маджда Мухаммада Табризи (р. 137-152).

Следующая статья «литературного» раздела, «Wandering Quatrains and Women Poets in the 'Khulasat al-ash'ar fi al-ruba'iyat», написана С. Шармой и посвящена тематической подборке *рубa'и* разных авторов. Эта небольшая антология, составленная Мухаммадом б. Мас'удом б. ал-Музаффаром, озаглавлена «Хуласат ал-аш'ар фи-р-рубa'ийат» и разделена на введение и 50 глав (баб). Показательной особенностью данной подборки является незначительное количество четверостиший 'Умар-е Хайяма. Однако основное внимание в своей статье Шарма уделяет «женской» поэзии, избрав в качестве главной героини Махсати Ганджави. В «Хуласат» содержится 21 *рубa'и* этой поэтессы. Шесть из них отсутствуют в имеющихся изданиях стихов Махсати. Помимо Махсати в «Хуласат» приводятся 5 *рубa'и* двух поэтесс с та-

халлусом «А'иша», руба'и Духтар-е Хатиб-е Гандже, 4 руба'и Духтар-е Ху сам Салар и 2 руба'и Джалал-хатун Самаркандийе. В приложении к статье Шарма приводит список всех авторов, включенных в «Хуласат», по разделам. Представляется, что автор статьи выполнил заявленную в заглавии задачу лишь наполовину, поскольку проблема «странствующих четверостиший» была сведена лишь к констатации факта контаминации руба'и Хайяма и Махсаги (р. 153-169).

Заканчивается «литературный» раздел статьей Г. ван ден Берга, в которой автор рассматривает три образчика дидактической литературы из «Сафине», акцентируя основное внимание на «Панд-наме-йе Ануширван» (р. 170-182).

Раздел, посвященный научным дисциплинам, открывается статьей С. Туркина, в которой автор очень четко и последовательно разбирает семь сочинений по астрономии и астрологии, составляющих в сборнике единый блок из 16 листов (р. 185-205).

Далее следует статья Ж. Везела. Здесь автор сначала дает общую характеристику научного материала, представленного в «Сафине-йе Табриз», а затем сосредоточивается на сочинениях по минералогии и оккультным наукам. Везел отмечает, что научные трактаты занимают в сборнике около 100 листов, что составляет приблизительно $\frac{1}{5}$ всего первоначального объема сборника (хотя судить о характере сочинений на не дошедших до нас листах мы не можем). Автор статьи, вслед за Иражем Афшаром, говорит об отсутствии упоминаний в «Сафине» о Раб'-е Рашиди, а также обсерватории в Мараге, что объясняется временем составления сборника. Везел также замечает, что научный материал не был приоритетным для данного сборника: здесь довольно широко представлены традиционные науки (особенно литература), но точным наукам внимания уделяется мало (р. 207-220).

«Научный» раздел завершается статьей М. ван Цутфена, представляющей собой перевод на английский язык анонимного трактата по физиономистике с атрибутивным названием «Дала'ил ал-а'за». Переводу предпослано краткое введение, в котором основное внимание уделяется палеографическим особенностям текста (р. 221-242).

Раздел, посвященный философии и мистицизму, включает в себя две статьи. Первая из них, вышедшая из под пера Ф. Дуфикар-

Эртс, не нуждается в комментарии, поскольку имеет довольно красноречивое название — «Aristotle and Alexander: the Never-Ending Question(s)» (р. 245-255). И, наконец, последняя статья в сборнике написана Б. Радтке: она представляет собой краткое описание 33 сочинений по мистицизму и аскетике. Описания построены по следующей схеме: порядковый номер Радтке (римскими цифрами), номер по списку Сейеда-Гохраба, приведенному в конце его статьи в «Persica XIX» (2003), 125-164 (арабскими цифрами), название сочинения, автор, начало, конец, дата переписки, краткое содержание, издания текста. В завершение статьи Радтке делает краткое обобщение: он особо отмечает тот факт, что из 209 сочинений, включенных в «Сафине-йе Табриз», 33 посвящены мистицизму. Основными авторами являются Мухаммад и Ахмад Газали, а также Шихаб ад-Дин Сухраварди. В то же время труды Ибн 'Араби и шиитская литература не нашли отражения в сборнике (р. 257-279).

Итак, мы можем констатировать, что рассмотренный сборник статей дает довольно полное представление о «Сафине-йе Табриз», а также показывает значение памятника для будущих исследований в области иранистики. В связи с этим данное издание заслуживает пристального внимания специалистов, занимающихся историей мусульманских рукописей, а также историей и культурой средневекового Ирана.

Б.В. Норик

Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. 2. Корейские письменные памятники в Рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. — 423 с., ил.

Монография является продолжением работы авторов над описанием корейских рукописей и ксилографов, хранящихся в научных библиотеках Санкт-Петербурга. В 2008 г. А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьева опубликовали первый выпуск «Описания письменных памятников корейской традиционной культуры», посвященный корейским памятникам из

фонда китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (см. рецензию на это издание: Письменные памятники Востока. 2009, № 1 (10). С. 247-248). Поскольку в Институте восточных рукописей РАН уже сложилась традиция научного описания коллекций, то при составлении этой части Описания авторы могли ориентироваться на уже опубликованный каталог О.П. Петровой «Описание письменных памятников корейской культуры» (вып. 1, 1956; вып. 2, 1963). В отличие от этого каталога авторы проделали дополнительную научную работу и четко определили, что они понимают под произведениями корейской традиционной культуры — книги, напечатанные или созданные только в Корее. «В их число входят не только собственно корейские книги, но и те китайские письменные памятники, которые были отпечатаны в Корее, на корейской бумаге и сброшюрованы по корейским правилам» (с. 12). В Описание не включены корейские тексты, изданные в Китае или Японии. Таким образом, в него вошло 169 произведений различных жанров (в каталоге О.П. Петровой 236 названий). Вместе с тем в Описание добавлены некоторые памятники, не учтенные ранее, в том числе целая коллекция фон Мёллендорфа, насчитывающая 17 памятников, написанных корейской графикой.

В предисловии (с. 11-40) А.Ф. Троцевич дана история и характеристика фонда корейских рукописей и ксилографов Института восточных рукописей, который состоит из коллекций трех дипломатов: П.А. Дмитриевского (1851-1899), Дж. Астона (1841-1911) и П.Г. фон Мёллендорфа (1847-1901). Автор подробно рассказывает об истории фондообразования и специфике коллекций собирателей. Здесь следует заметить, что часть коллекции Мёллендорфа была выделена из китайского фонда, что еще раз подчеркивает необходимость перепроверки всего дальневосточного раздела Рукописного фонда, в котором полиглоты или части первоначально одной коллекции могли попасть в разные языковые фонды. В очерке А.Ф. Троцевич дается общая характеристика содержания корейского собрания: одна группа произведений имеет отношение к служебным обязанностям дипломатов и носит информационный характер о стране, вторая группа тек-

стов отражает их индивидуальные научные интересы (изучение корейского языка, собирание образцов литературы). В предисловии описываются особенности корейской книги и приводится схема, по которой строится описание каждого произведения.

Основная часть Описания представляет собой подробную характеристику корейских памятников, которые подразделены авторами на 15 разделов: исторические сочинения (с. 43-83); административная система (с. 84-87); законодательство (с. 88-98); ритуалы (с. 99-106); документы (с. 107-112); конфуцианство, буддизм, даосизм, христианство (с. 113-134); география (с. 135-143); сочинения по медицине (с. 144-147); литература, изящная словесность и «занимательное чтение» (с. 148-189); собрания литературных трудов отдельных авторов (с. 190-213); энциклопедии (с. 214-216); учебные пособия (с. 217-238); этнография (с. 239-241); письмовники, письма (с. 242-246), изобразительное искусство (с. 249-250). Описание памятников построено по той же схеме, которая использовалась авторами при составлении первого выпуска «Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета». Для каждой книги даются внешние характеристики: язык, тип издания (рукопись, ксилограф или подвижной шрифт), количество *квонов*, размеры, пагинация, количество строк на странице и знаков в строке, записи на сгибе и нижнем срезе книги, качество бумаги. В описании приводятся имена составителей и авторов произведений, даты предисловий и послесловий, владельческие записи, а также история создания памятников. Два последних номера Описания посвящены произведениям изобразительного искусства — свиток «Дикие гуси» (№ 168) и собрание рисунков Ким Чунгына (№ 169). Альбом состоит из 55 рисунков, отражающих занятия и персонажей традиционного корейского общества.

Издание снабжено большим количеством иллюстраций (с. 251-363), выполненных фотографом Института восточных рукописей С.Л. Шевельчинской. 39 книг и рукописей представлены обложкой и первым листом первой книги, 16 фотографий — цветные, что дает наглядное представление о качестве сохранности экземпляра. В список иллюстраций включено и факсимильное издание «Чер-

нового каталога корейских книг У.Дж. Астона» (с. 330-363), русский перевод которого с английского языка публикуется А.А. Гурьевой (с. 401-422). Каталог был составлен самим У.Дж. Астоном и хранится в Секторе восточных рукописей и архивных документов под шифром Арх. 26. Поскольку большинство книг У.Дж. Астона вошло в состав корейской коллекции Института, то при публикации его перевода А.А. Гурьева снабдила восточные названия книг их русским переводом с указанием шифра, под которым хранится памятник.

Рецензируемое Описание снабжено четырьмя указателями (составитель А.А. Гурьева): общий указатель имен (с. 364-371), общий указатель названий (с. 372-385), указатель имен авторов (с. 386-388) и указатель названий сочинений (с. 389-398). Первые два общих указателя составлены в порядке русского алфавита, третий и четвертый — в порядке корейского алфавита. Фактически, два последних повторяют первые общие указатели. Было бы уместно добавить указатели по типу печати (рукописи, ксилографы, подвижной шрифт), что характеризует историю бытования текста. С практической точки зрения был бы полезен и конкорданс, отражающий соотношение шифров и номера описания. Подобная информация приведена в оглавлении, где под номером описания указаны произведение, его современный и старый шифры, иероглифическое название, транскрипция и перевод. По моему мнению, эти сведения необязательны в оглавлении, так как они повторяются в описании конкретного произведения. Однако, имея только шифр произведения, читатель без конкорданса не сразу найдет соответствующее описание. В самих указателях названий сочинений излишним является перевод названий на русский язык (в общем указателе) и повторение шифров и состава произведений (в указателе названий сочинений), поскольку указатель является лишь ссылкой к номеру описания, в котором и дана вся информация.

Издание двух выпусков «Описания письменных памятников корейской традиционной культуры» (СПб., 2008; 2009) осуществлено при поддержке Корейского фонда Республики Корея, который уже много лет поощряет российских корееведов и способствует публикации их работ. Описания корейской коллекции Восточного отдела Научной библио-

теки СПбГУ (вып. 1) и коллекции Института восточных рукописей РАН (вып. 2), выполненные А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьевой, в очередной раз открывают международному научному миру доступ к восточным коллекциям Санкт-Петербурга и являются неоценимым вкладом в описание мирового наследия корейской культуры.

Т.А. Пан

Цинский Пекин. Картины народной жизни (*миньсхуа*) / Вступительная статья, перевод с китайского языка и комментарии И.Ф. Поповой. — СПб.: Славия, 2009. — 245 с.

В XIX в. в Китае были широко распространены издания народных картинок *няньхуа*, которые в России известны по коллекциям китайского лубка В.М. Алексеева, В.Л. Комарова и др. Большинство из них хранится в музеях Санкт-Петербурга и уже издано (Китайская народная картина *няньхуа* из собрания Государственного Эрмитажа / Сост. М.А. Рудова, П.Г. Пчелин. СПб., 2003; Редкие китайские картины из Советских собраний / Сост. Б.Л. Рифтин, Ван Шуцунь. Ленинград-Пекин, 1991). В это же время в собрания Европы стали попадать народные картины *миньсхуа*, изображавшие китайский быт, ремесла, представителей различных сословий Китая. Картины этого жанра выполнялись на тонкой китайской бумаге небольшого формата. Они в большом количестве доставлялись в Европу и в настоящий момент хранятся в восточных коллекциях многих стран. Как показали исследования автора предисловия, в коллекции Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге насчитывается 18 альбомов *миньсхуа* — «картин народного быта и традиций», сюжеты и изображения которых часто повторяются. В связи с этим для своего издания И.Ф. Попова выбрала два наиболее характерных альбома из коллекции А.Ф. Попова, что составило 228 цветных рисунков, отражающих китайские ремесла, мастеров за работой, уличных торговцев, чиновников, занятия знаменитых маньчжуров, традиционные праздники и обряды, детские игры и развлечения взрослых. Особенностью картинок является наличие пояснительных надписей к изображениям на китайском языке.

Работа состоит из введения на русском и английском языках, в котором характеризуется публикуемый материал и описывается история появления альбомов рисунков в коллекции Института восточных рукописей (с. 6-16), издания рисунков двух альбомов из коллекции А.Ф. Попова (с. 18-235), приложений из семи рисунков из других коллекций (с. 236-242) и примечаний (с. 244-245).

Каждая картинка сопровождается переводом на русский язык текста китайской пояснительной надписи, написанной на языке цинского периода, который достаточно сложен для перевода, однако следует отметить, что переводы выполнены точно. На с. 10 автор пишет, что «переводы сделаны дословно, хотя в оригинале каждое пояснение начинается со слов "Картина, изображающая <название ремесла или занятия> в Китае"». Чтобы избежать единообразия зачина пояснительных надписей, автор заменяет «дословный» перевод назывным предложением. Например, название рисунка на с. 19 дано как «Изготовление перегородчатых эмалей», китайский текст начинается предложением, которое дословно переводится как «На этой картине изображено изготовление эмалевых вещей в Китае»; рисунок на с. 41 назван «Собиратели пыли "бо ту цзэй"», китайский текст — „Картина, изображающая хитрецов, собирающих пыль в Китае“; рисунок на с. 75 назван «Починщик посуды», китайский текст — «На этой картине изображен [починщик] керамической посуды в Китае». Тем не менее стремление к дословному переводу отразилось, например, в примечании 8 к рисунку (с. 99), где «Ямынь восьмизнаменных рот» (*бацзи нюло ямынь*) сопровождается буквальным переводом «Восьмизнаменный ямынь Волковы ряды». Автор правильно пишет, что *нюло* является китайской транскрипцией маньчжурского слова *ниру* (русский вариант — *нюру*), но нам перевод этих китайских иероглифов представляется излишним.

Пояснительные надписи являются ценнейшим источником по быту пекинцев, поскольку приводят любопытные детали повседневной жизни китайцев, например, как делались серебряные слитки-*ямбы* (с. 99), как продавались списки выдержавших экзамен (с. 110), чем выкуривали из помещения комаров (с. 151), какая военная подготовка была у восьмизнаменных солдат (с. 167-174), описания детских игр (с. 209-212) и др. Однако не менее

интересны и информативны сами рисунки, поскольку наглядно иллюстрируют не только собственно производство изделий и работу ремесленников, но и их орудия труда, одежду и утварь. Эту информацию и зрительное представление о том, как это было, трудно получить из письменных источников. Издание и изучение подобных альбомов является важным способом познания жизни Китая XIX в.

Художественный альбом «Цинский Пекин. Картины народной жизни (*миньсхуа*)» открывает новую серию «Нетрадиционные источники по истории Китая династии Цин (1644-1911)» под редакцией акад. В.С. Мясникова. Здесь хотелось бы высказать некоторые соображения по указанной традиционной периодизации династии Цин: в настоящее время среди китаистов-специалистов по истории династии Цин наметилась тенденция обозначать период правления династии Цин в Китае как 1644-1912 гг. Дата объявления отречения Пу И от престола, 12 февраля 1912 г., считается окончанием существования империи Цин. Тем не менее традиционное китаеведение связывает это событие с Синьхайской революцией года *синьхай*, т.е. 1911 г., и провозглашением республики Сунь Ятсеном 1 января 1912 г. В авторитетной среди китаистов «Таблице китайских императоров» (Чжунго лидай ди ван лу. Шанхай, 1989) указано, что даты династии Цин — 1644-1911 гг. и что она правила 267 лет. Фактически, династия Цин просуществовала параллельно с республикой еще полтора месяца, и указание 1912 г. как года окончания правления династии Цин является более корректным. В связи с этим хотелось бы сказать, что обычно употребляемая китаистами нижняя дата 1644 г. как начало династии Цин не совсем корректна, поскольку династия Дай Цин была провозглашена императором Хун Тайчжи в 1636 г. и только с 1644 г. она являлась царствующей в Китае.

Создание такой серии является интересным и ценным начинанием, поскольку даст возможность продолжить публикацию «нетрадиционных источников» по цинскому периоду. Если европейцы конца XIX в. собирали альбомы *миньсхуа*, чтобы познакомиться с далекой, экзотической культурой Китая, то сейчас издание и фактически повторное распространение этих альбомов представляет читателю уже ушедшую культуру. Описание ее сохранилось в литературных произведениях

ях того времени, но альбом «Цинский Пекин. Картины народной жизни (*миньсунхуа*)», подготовленный И.Ф. Поповой, является наглядной и трогательной иллюстрацией реалий цинского Китая.

Следует особо отметить высокое полиграфическое качество издания альбома, фото-

графии были подготовлены фотографом Института восточных рукописей С.Л. Шевельчинской, а дизайн и издание осуществлены издательством «Славия», известным высоким качеством издания художественных каталогов и альбомов.

Т.А. Пан